

(Гастроли Пугачевского драматического театра в Саратове)

Трудным, но увлекательным путем шел коллектив Пугачевского городского драматического театра, создавая на материале пьесы А. Арбузова спектакль «Домик на окраине». Поиск жизненной правды, внимательная разработка характеров, проникновение в замысел автора—вот что интересовало театр.

Эпиграфом к пьесе А. Арбузова взяты строки А. Блока:

...О том, как зреет гнев в сердцах,

А с гневом юность и свобода,

Как в каждом зреет дух народа,

Сыны отражены в отцах...

В соответствии с эпиграфом в спектакле—и это его главное достоинство—правильно раскрывается идея пьесы, показано величие духа советских людей.

Пусть не все актерские работы в равной мере хороши, пусть есть просчеты в режиссерском решении некоторых эпизодов, но верное направление работы в итоге решает успех спектакля (режиссер Н. Г. Галлин).

Зрители внимательно смотрят спектакль, волнуются, негодуют, горячо сочувствуют героям «Домика на окраине».

К числу актерских удач в первую очередь надо отнести исполнение образов трех сестер Ивановых—Веры, Любви и Надежды. Характеры показаны в развитии, в действии. Запоминается Вера (О. С. Владская), ее любовь к родному заводу, требовательность к себе и к товарищам по работе, ее безответное чувство к Алексею. Лучшее место в роли Веры—ее прощание с Алексеем, который так и не узнал, как глубоко и нежно любит его девушка. Удачна сцена Веры и Даниила (которого смешно и трогательно играет артист В. Ф. Земцов), где партнеры «примериваются» и «пристраиваются» друг к другу, где у обоих за каждой фразой много невысказанных мыслей и чувств.

Не сразу узнаем мы, что за человек Люба (Д. П. Галпина). Вначале она кажется пустой девчонкой, любящей только танцы, наряды, веселье, и лишь потом, в ходе спектакля, актриса постепенно открывает душевный мир своей героини, ее большое сердце, ум и человечность. Впрочем, в некоторых моментах, желая подчеркнуть резкость характера Любы, артистка бывает немного вульгарна. Телом оказались не решены отношения Любы с Коробейниковым (его весьма посредственно играет артист М. Г. Павлов). Однако в целом образ Любы, бесспорно, удался.

Развитие характеров действующих лиц особенно убедительно показано в ролях Нади и Жени Шеремета. Угловатым, стремительным, нетерпимым к людям подростком кажется Надя вначале (артистка Г. П. Савина). Затем она меняется, становится проще, мягче, глубже, женственнее. Через весь спектакль пронесит она свою любовь к Шеремету. Одна из лучших в спектакле—сцена, где Надя без малейшей позы, очень просто, серьезно и собранно рассказывает сестрам о жизни на фронте.

Интересно развивается образ Жени Шеремета (артист Н. П. Филиппов). «Гроза Черкизова», завсегда тая танцулек (в пер-

вом действии), Жся, пройдя огонь войны, пережив смерть друга, становится (в конце спектакля) другим человеком. Вся роль выдержана артистом в скупых, но точно найденных тонах.

Хорошо, с мягким юмором, но неровно исполняет роль Виктора Смагина артист Г. Н. Миленьков. Удались небольшие роли Маруси—Е. И. Розовой и Гавриловой—Ю. П. Бартель.

Спорно, в некотором отрыве от текста пьесы решен Е. Г. Безруковым образ Алехи Кустова. Нередко он прибывает к выигранным позе, декламирует, особенно в тех местах, где надо передать напряженность ситуации.

В «Домике на окраине» наряду с многими удачно сыгранными сценами, в которых правдиво воссоздаются отношения между героями (например, сцена чтения письма сестрами), есть и такие, где явно ощущается недостаток художественного вкуса у постановщика и некоторых исполнителей. Так, почти в цирковой манере решена сцена драки Шеремета и Смагина. Часто невольный, назойливо вмешивается в действие музыка.

В подобных сценах имеется опасность уйти с верного пути углубленных поисков правды характеров и обстоятельств на узкую тропинку дешевых специфических эффектов. И если в «Домике на окраине» коллективу исполнителей в общем удалось преодолеть эту опасность, то этого нельзя сказать о другой постановке Пугачевского театра—спектакле, созданном на материале лирической комедии С. Антонова «Поддубенские частушки».

Не поверив в пьесу, боясь, что она не заинтересует зрителя, в театре махнули рукой на то серьезное, что есть в «Поддубенских частушках», и пошли по линии внешней занимательности. Все усилия режиссуры (режиссер Н. Г. Галлин) и исполнителей свелись к поискам смешного. В результате свойственная С. Антонову поэзия, задумчивость, глубокое знание людей никак не воплотились в спектакле.

Читатели знают и любят героев «Поддубенских частушек», и им обидно, что землеустроитель в спектакле Пугачевского театра—человек, по сути дела, глубоко равнодушный к народной песне, к частушке; что Бороной в исполнении И. А. Кузнецова превращен в анекдотическую фигуру, в подлинность которой поверить никак нельзя.

Список актерских неудач можно продолжить, но в этом нет нужды. Если говорить начистоту, то живой, сочный, подлинно народный образ в спектакле создала лишь одна М. Д. Ильина в роли Марии Евсеевны.

Из сравнения двух спектаклей—«Домик на окраине» и «Поддубенских частушек»—сам собой напрашивается вывод: куда театру идти, на что равняться в дальнейшем.

Чем более взыскательно и самокритично будет коллектив театра относиться к своей работе, тем реже на его сцене будут появляться спектакли, подобные «Поддубенским частушкам».

М. КОРАБЕЛЬНИК